

А.И. Кузнецова

(Россия)

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ САМОСОЗНАНИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ

Неизбежность хода истории, неотвратимость направления исторических процессов для малочисленных уральских народов Сибири очевидна, хотя скорость осуществления происходящих изменений различна и трудно предсказуема. Наметившаяся тенденция к глобализации во всем мире – объективный процесс, бороться с которым и трудно, и мало имеет смысла, но для каждого народа (не только малочисленного) заманчиво сохранить свою самобытность, в последнее время быстро размываемую в складывающейся ситуации. По выражению А. Арбатова (члена комитета “Россия в объединенной Европе”), “выступать против глобализма – это все равно, что требовать закрыть Америку или отменить колесо. Глобализация – объективное явление и, как любое подобное явление, несет в себе как положительные, так и отрицательные моменты” [Известия от 06.10.03. С.16]. Как правило, молодые тяготеют к глобализации, не всегда даже осознавая это, а старшее поколение старается сохранить нечто самобытное из уходящего прошлого. Естественно, что плюсы и минусы с разных точек зрения могут не совпадать, как не совпадают сплошь и рядом у миноритарных уральских народов Сибири признаки культурно-языковой ситуации, считающиеся релевантными для нее, и проблемы, связанные с процессами интеграции и дифференциации данных этносов. Возможны, как минимум, три точки зрения на существующую у малочисленных народов Сибири, о которых пойдет речь, ситуацию: официальная точка зрения администрации соответствующего округа или района, часто представляемая на всеобщее обозрение СМИ (журналистами); взгляд исследователя-очевидца и позиция самого народа. В зависимости от позиций пишущих и говорящих на эту тему появляется разная интерпретация имеющейся ситуации.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
У УРАЛЬСКИХ ЭТНОСОВ СИБИРИ
С ОФИЦИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
(СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

Как выглядит ситуация у современных уральских малочисленных народов в Сибири по сведениям, почерпнутым из СМИ и официальных отчетов администрации того или иного округа, района, можно рассмотреть на примере культурно-языковой ситуации северных селькупов, привлекая также в отдельных случаях для сравнения материалы по другим самодийцам (ненцам, нганасанам, энцам) и обским уграм (ханты, манси).

Селькупов (по переписи 1989 г. [Письменные языки мира 2003: 460–483]), проживающих вразброс на территории России (в основном в Западной Сибири), – 3564 чел. Северные селькупы живут в Красноселькупском и Пуровском районах ЯН АО и в ХМ АО Тюменской обл. (1632 чел. – 45,8%), а также в Туруханском районе Красноярского края (367 чел. – 10,2%); всего их 1999 чел. – 56%). Южные селькупы дисперсно проживают в Томской обл. (1347 чел. – 37,8%). В результате, в целом образуется континуум селькупских диалектов, прерываемый, впрочем, иноязычными зонами, в связи с чем селькупы находятся в контакте с кетами¹, ненцами, ханты, эвенками и повсеместно с русскими. Административная разобщенность, возникшая с конца 1950-х гг. у северных селькупов, является серьезным фактором ускорения ассимиляции (точнее, русификации) селькупов, которая еще более усиливается за счет возрастающей миграции населения не только в города, но и в районные центры, не всегда даже являющиеся городами (Томск, Красноярск, Салехард, Тюмень, Санкт-Петербург, Москва, пос. Тарко-Сале, с. Туруханск и др., в которых суммарно живет 218 селькупов. Кроме того, 48 чел. числится на территории бывших республик. Всего 6,2%). Существующая чересполосица языков и народов, естественно, не может не сказаться на культурно-языковой ситуации данного этноса.

По переписи 1989 г., 47,6% селькупов считает селькупский родным языком. Определить процент селькупов, активно владеющих языком, очень трудно, так как во время переписи нет и ре-

¹ В последние десятилетия социолингвистическая ситуация у кетов (енисейская языковая семья) подробно описана в работах Е.А. Алексеенко [Кеты. СПб., 1999], В.П. Кривоногова [Кеты на пороге III тысячелетия. Красноярск, 1998].

чи о *проверке* степени владения языком; переписчик, задавая вопросы из анкеты, должен верить на слово отвечающему, особенно, если сам не владеет данным языком. Переписи населения в местах проживания малочисленных народов с исчезающими языками должны были бы проводиться под наблюдением специалистов – лингвистов и/или этнографов или силами носителей самих языков, как это частично делалось, напр., в Республике Коми (оба варианта, естественно, маловероятны).

Подобно тому, как результаты общероссийской переписи населения вызывают настороженность, так и списки, составляемые ежегодно в районной администрации, в районных отделах образования и других учреждениях часто приводят в недоумение исследователя, непосредственно соприкоснувшегося с социолингвистической ситуацией в том или ином поселке. Отчеты, как правило, пишутся ежегодно по строго заданной схеме. В качестве образца можно привести, напр., “сведения о распределении общеобразовательных учреждений и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка на начало 2001/2002 учебного года”.

В отчетах Министерств образования республик в составе РФ, управлений образования краев, областей и автономных образований, которые представляются Министерству образования РФ, приводятся данные по 10 пунктам (не считая двух столбцов с наименованием и порядковым номером языка) для 61 языка, среди которых есть селькупский, ненецкий, мансийский, но отсутствуют (из числа малочисленных языков уральской языковой семьи, проживающих в Западной Сибири) нганасанский, энецкий, хантыйский. Для названных трех языков, попавших в отчетную ведомость, не даются сведения о количестве учащихся в каждом классе начальной (1–4 классы), неполной средней (5–9 классы) и средней (10–11/12 классы) школ. Есть лишь сведения о количестве школ, в которых соответствующий родной (нерусский) язык изучается как предмет, и о распределении учеников (а также их общем количестве) по трем школьным ступеням. При чтении отчетов обращает на себя внимание заметное уменьшение школьников, кончающих неполную (и тем более – полную) среднюю школу по сравнению с количеством учащихся в начальной школе. Так, в селькупских школах, судя по указанной отчетности 2001/2002 учебного года, нет ни одного школьника в старших классах, 21 чел. – в неполной средней школе при 192 в начальной школе; в ненецких школах – 3064 чел. в 1–4 классах, 2373 ученика в 5–9 классах и только 47 в старших классах. При этом неясно, сколько человек реально кон-

чило полную школу. Странный выброс наблюдается в мансийских школах – увеличение в 2001/2002 гг. количества учащихся во второй ступени. (Откуда они могли появиться? Второгодники? Результат разной рождаемости в разные годы? Опечатка?) Ни количество часов, которые отводятся на языковые занятия в разных классах, ни обязательность посещения занятий после начальной школы, ни уровень владения родным языком среди школьников, ни то, в каких конкретно районах и в течение скольких лет изучаются родные языки, – всё остается неизвестным. Судя по другим источникам, картина несколько проясняется. Напр., в с. Фарково в 1998 г. селькупский преподавался в 1–4 классах, а в 2003 г. – начиная только со 2 класса; в пос. Толька Красноселькупская уроки шли не только в начальной, но и в неполной средней школе в статусе факультатива. В социолингвистической энциклопедии говорится, что “в старших классах лишь немногие учащиеся посещают занятия ненецкого языка” [Письменные памятники мира 2003: 378]², но и в этом случае непонятно, есть ли в школе официальный факультатив или нет его. Ясно лишь одно: непрерывно снижается уровень воспроизводства родного языка.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ У УРАЛЬСКИХ ЭТНОСОВ СИБИРИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Не игнорируя сведения, почерпнутые из материалов переписи, исследователи (прежде всего, лингвисты, историки, этнографы, фольклористы) в своей непосредственной работе с информантами и при знакомстве с похозяйственными книгами делают выводы, не только уточняющие официальные сведения о социолингвистической ситуации в местах проживания малочисленных этносов, но и расходящиеся часто с результатами, вытекающими из переписи и из списков районной администрации, о чем уже упоминалось в предыдущем разделе. Примерами подобных расхождений и уточнений является, напр., монография Н.В. Лукиной, посвященная становлению научных центров гуманитарного профиля в ХМ и ЯН АО [Лукина 2002], статья О.А. Казакевич и

² К сожалению, в этом справочнике сведения по малочисленным языкам России даются с привлечением официальных материалов разных лет, что не позволяет сравнивать результаты и устанавливать общую тенденцию развития в общеобразовательной сфере.

О.С. Парфеновой о языковой и этнокультурной ситуации в Красноселькупском р-не ЯН АО [Казакевич, Парфенова 2000а: 270–303], статья тех же авторов о ситуации в пос. Совречка Туруханского р-на Красноярского края [Казакевич, Парфенова 2000б: 304–308], собственные наблюдения автора данной статьи.

У северных селькупов реально владеет языком в настоящее время, по прикидкам разных исследователей, мнения которых не всегда совпадают, от 350 чел. до 550–600 чел., то есть от ~10% до 18,5% (вместо 47,6%, данных в переписи 1989 г.). Это обычно люди 40 лет (когорта 1960-х гг. рождения) и старше, причем степень владения языком среди них разная. Хорошее (а порою – блестящее) владение языком сохранилось всего лишь у нескольких десятков человек, как правило, живущих в лесу. Все они способны рассказывать сказки, а некоторые – и порождать огромные эпические тексты.

Говорящие на родном языке дети школьного возраста встречаются в нескольких поселках, напр., в пос. Ратта, Толька (Пуровская), в отличие от с. Красноселькуп и Фарково, где детей, владеющих языком, или нет совсем, или ничтожно малое количество (обычно это дети родителей, живущих в лесу). При этом нередко ко времени переезда в поселок, когда ребенка отдают в школу, он знает язык пассивно, поскольку родители, понимая, какие трудности ждут их ребенка, уже дома говорят с ним по-русски, общаясь, однако, между собой по-селькупски. Язык утратил большинство своих функций и сохранился (да и то ограниченно) только в качестве домашнего языка общения; в качестве языка общения на работе, в магазине селькупский язык (по крайней мере, в крупных поселках) практически не используется.

Преподавание в школе ведется на русском языке. В этой связи уместно сказать несколько слов о самом процессе обучения в школах.

В северных национальных школах (в том числе, в селькупских, ненецких, нганасанских, хантыйских, мансийских) официально повсеместно ведется преподавание языка как родного через букварь, и обучение письму и чтению происходит по методике, принятой в 1930-е гг. и ориентированной на детей, знающих язык с детства, то есть не учитывается кардинально изменившаяся ситуация с языком у перечисленных народов, при которой дети, идущие в школу, в массе своей родным языком не владеют. Более того, некоторые из перечисленных языков (селькупский и нганасанский) в обязательном порядке изучаются лишь в начальной школе, а энецкий

не изучается даже в младших классах. Официально признано, что родной язык школьника на протяжении всех лет учения является предметом изучения, а не обучения. Между тем учебники (в частности, книга для чтения) пишутся на родном языке (напр., на селькупском); все задания и проверочные вопросы даются на селькупском языке, как того требуют образовательные программы, но без учета реальной ситуации. Таковы, напр., Букварь, Азбука, книга для чтения и учебники для 1–4 классов С.И. Ирикова и его соавторов О.И. Бояжиной и А.А. Хозовой. За год, по два урока в неделю, в школах успевают пройти в лучшем случае лишь половину одного учебника. В результате по окончании начальной школы в памяти школьника остается не более 10 слов (а часто и того меньше – три-пять); как правило, это названия некоторых животных, имена родства (отец, мать), четыре или пять первых числительных и несколько глаголов типа *садитесь, говорит, здравствуйте* (последнее слово представляет собой заимствование из русского языка: *torova!*). По прошествии нескольких месяцев дети не могут уже перевести текст, читанный ими в школе на уроках; лишь смутно помнят его содержание³. В пос. Фарково Туруханского района Красноярского края селькупский учат все дети поселка (селькупы и русские), а в с. Красноселькуп ЯН АО существует две школы: русская 10-летка и селькупская начальная школа, в которой учатся дети аборигенов и откуда лишь единицы переходят после 3-го класса в русскую школу, чтобы по окончании ее поступить в РГПУ им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге. Деньги выделяет округ, вступительные экзамены принимаются на месте, но часто студенты не выдерживают жизни в большом городе и возвращаются домой. Кончившие вуз по возвращении домой оказываются обычно безработными. Нередко молодые люди в студенческие годы женятся / выходят замуж и разъезжаются по России: мало кто хочет возвращаться в родное село.

В последнее десятилетие неоднократно предпринимались централизованные попытки разработать проект программы выпуска книг в объеме минимального комплекта на языках мало-

³ Благодаря финансовой поддержке фондов "Открытое общество" (грант № 1567 / 801 / 1998) и РГНФ (экспедиционные гранты № 02-94-18019е, № 03-04-18007е) удалось не только в период летних каникул беседовать со школьниками, но и присутствовать в сентябре на уроках селькупского языка в с. Фарково, посмотреть тетради учащихся, иными словами, познакомиться с состоянием школьного образования здесь в 1998–1999 гг. Ситуация ухудшилась к 2003 г., когда количество часов преподавания селькупского языка сократилось.

численных народов Крайнего Севера России для дошкольных учреждений, школ и педучилищ. Однако подобные проекты (если даже они принимались) никогда полностью не реализовывались как по причине отсутствия материальной базы (денег), так и в силу слишком часто меняющейся ориентации в направлении развития и совершенствования преподавания родных языков в районах Крайнего Севера России.

В результате (или независимо от того и другого) на местах стали осуществляться силами исследователей соответствующих языков и народов собственные проекты написания учебников и учебных пособий для отдельных диалектов того или иного языка: появились различного типа разговорники, словари, книги для чтения в школе (к числу таких проектов можно отнести, напр., учебную литературу для южных селькупов); начали издаваться фольклорные тексты на родном и русском языках параллельно (особенно много их для обско-угорских языков, а также для ненецкого; есть для нганасанского и даже энецкого, который в школе не преподается). Одновременно печатаются научные исследования и популярная литература по истории родного края с описанием духовной и материальной культуры и традиционного образа жизни аборигенов Сибири и жителей Крайнего Севера в европейской и азиатской частях РФ; переиздаются монографии, ставшие уникальными, но сохранившие свою значимость вплоть до настоящего времени; словари, мемуарная литература конца прошлого – начала этого века; наконец, стали переводиться и издаваться западноевропейские научные труды. К сожалению, многочисленные и часто очень ценные публикации остаются, как правило, не известными авторам не менее многочисленных проектов реформирования школы и “доктрины образования”, к созданию которой приступили в настоящее время в Министерстве образования, пытаясь выработать “стратегию образования”. Между тем учет вышедших и готовящихся к публикации на местах рукописей позволил бы внести существенные коррективы в учебные планы преподавания родных языков и краеведения в национальных школах и школах с этнически смешанным составом учащихся.

Национальное самосознание у молодых почти совсем угасло, а билингвизм, еще сохраняющийся у среднего и старшего поколения, у молодых перешел в монолингвизм: большинство владеет только русским языком. При таком положении дел надеяться на подготовку национальных кадров, способных преподавать селькупский язык, нереально. Получается замкнутый круг, патовая си-

туация, выйти из которой можно, только пробудив самосознание этноса усилиями энтузиастов (которые, к счастью, есть у южных селькупов, но почти отсутствуют у северных). Широко распространенное выражение “язык умирает” следует понимать как “умирает желание носителей языка говорить на родном языке”, что, в свою очередь, вызвано проводимой в стране национальной и языковой политикой и все усиливающейся русификацией.

В итоге видно, что официальная точка зрения и наблюдения исследователей не противоречат друг другу. Однако реальная картина культурно-языковой ситуации у миноритарных уральских народов Сибири с точки зрения тех, кто непосредственно исследует разные этносы, неодинакова – у одних она лучше, у других – хуже, чем даже можно предположить; и касается это как языка, так и культуры.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ НАРОДА – НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА НА КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВУЮ СИТУАЦИЮ В РАЙОНЕ

Отношение к родному языку молодого и среднего поколения скорее безразлично-снисходительное, чем явно отрицательное или явно положительное. Как уже отмечалось, селькупский язык утратил большинство своих функций и сохранился (да и то ограниченно) только в качестве домашнего языка общения. Зато у молодых селькупов в с. Фарково намечается функция тайного языка: не владея по-настоящему языком, они объясняются с помощью корнесловов. Старшее поколение при этом осуждает как незнание молодыми родного языка, так и сам факт говорения на родном языке при посторонних, не владеющих им, считая это проявлением невежливости. В с. Красноселькуп М.И. Федорова (урожд. Ирикова) напела песню под названием “Свой язык знай!”, в которой есть такие строчки: “Сейчас (най)⁴ новое время.

⁴ В селькупской (как, впрочем, и в ненецкой) народной песне, по словам Ю.П. Юнкерова, “вокальная интонация играет второстепенную роль, так как подчиняется словесному тексту и его ритму, то есть его художественному образу” [Юнкеров 1999, с. 3]. В песне селькупов отсутствует рифма, а в строфе – разное количество слогов. Недостающие слоги поющий восполняет восклицаниями (в данном случае – най), которые не несут смысловой нагрузки: “Ти най центы челоэтын. Ийматый щой кумын Онтын этымтын аща кыкөтың най Куты онты этымтыны, най Аща тэнымыңты. Онты торяты, онты торяты, най” (сохранена орфография издания: Федорова 1999, с. 27).

Молодые селькупы Родной язык не любят (най). Кто свой язык (най) Не знает, Это беда, его беда (най)” [Федорова 1999: 26–27].

Молодые селькупы на вопрос, надо ли детям учить родной язык в школе, отвечают: пусть изучают, свой язык надо знать (а про английский говорят: надо изучать, вдруг пригодится). Из этих ответов следует, что селькупы не верят в то, что родной язык может пригодиться их детям. У молодого поколения селькупов произошло отталкивание от родного языка, добровольный отказ от пользования им. Вместе с тем можно отметить потребительское отношение к родному языку: называть селькупский родным языком выгодно, поскольку для селькупов существуют разного рода льготы. В результате еще теплится преподавание селькупского языка как предмета изучения в младших классах школы.

В нескольких небольших селениях Красноселькупского и Туруханского р-нов (несмотря на то, что носителей селькупского в них может быть меньше, чем в административных центрах) знание языка у представителей этноса иногда находится в лучшем состоянии, чем в базовых поселках с преобладающим селькупским населением, где на язык производится больший прессинг со стороны администрации и русскоязычного населения. Весьма существенным оказывается наличие / отсутствие в поселках языковой среды, с чем связана, в свою очередь, возможность / невозможность воспроизведения языка. Языковая среда сохранилась, напр., в пос. Толька (Пуровская), которая несколько раз меняла свое подчинение⁵. В Пуровском районе ЯН АО, где, по сведениям местной администрации 2000 г., числится 300 селькупов, подавляющее большинство – уроженцы пос. Толька, появившегося в этих местах на месте отдельных стойбищ в начале 1930-х гг. Еще в начале 1970-х гг. (несмотря на попытки дважды закрыть поселок) в нем было около 330 жителей-селькупов, из которых в настоящее время в селе осталось менее 100 человек: более 170 переселилось в райцентр Тарко-Сале (поселок городского типа с населением свыше 14 тыс.) и 30 человек живет в Пуровском районе в нескольких небольших селениях [Казакевич, Парфенова 2000а, с. 270–305].

⁵ Районное переподчинение поселков в Северо-Западной Сибири – явление обычное. Так, пос. Пуровская Толька дважды ликвидировали (в 1940-е гг., а затем в 1980-е гг.) и дважды официально восстанавливали, переводя из Ларьякского р-на ХМ АО в Пуровский р-н ЯН АО.

Несмотря на перечисленные отрицательные факты, свидетельствующие об угасании селькупского языка в районах проживания северных (тазовско-туруханских) селькупов, одновременно наблюдается и другое явление: парадоксальное пробуждение интереса к жизни предков при не востребованности языка в жизни, при полном нежелании молодых (исключения только подтверждают правила) говорить по-селькупски⁶. **Пробуждение самосознания** у одних малочисленных народов, подготавливаемое исподволь, совпало с началом перестройки, у других наметилось в последнее время. Проявляется оно по-разному у разных народов.

У нганасан, ненцев, ханты и манси это произошло раньше, чем у селькупов. У ненцев, ханты и манси этому способствовало наличие собственной автономности. О росте самосознания у этих этносов свидетельствуют, напр., ежегодно проводимые у обских угров медвежьи игрища, появление собственных писателей, поэтов (Ювал Шесталов, Еремей Айпин, Л.В. Лапцуй, М.К. Вагатов-Волдина и др.), музыкантов (Семен Николаевич Няруй у ненцев), художников (Геннадий Степанович Райшев у ханты, ср. Мотюмяку Сочуптеевич Турдагин у нганасан) и т.д. Наиболее яркой формой проявления способностей самодийских и обско-угорских народов в области культуры является орнамент, изучением которого занимались этнографы, в том числе – представители местного населения [Молданова 1999, Сязи 2000; Лукина, Рындина 2002]. Многие исследователи особо отмечали художественную одаренность селькупов. Рисунки селькупов-школьников запечат-

⁶ Известен случай, когда две женщины из разных селькупских диалектов, выйдя замуж за русских мужчин и приехав в одно село (с. Бакланиха Туруханского р-на Красноярского края), начали активно общаться между собой на селькупском языке. Или другая ситуация: муж с женой, оказавшись одни в эвенкийской деревне (с. Совречка того же р-на), разговаривают друг с другом по-селькупски, но постепенно один из супругов перестает говорить на родном языке, а другой сохраняет его, что может быть связано с индивидуальными особенностями человека, возможно, с его способностями к языку. Известны также случаи, когда в семье, уехавшей в город (Тюмень), начинают говорить с детьми на родном языке (иногда это может быть лишь один из родителей), объясняя свое поведение тоской по родному языку, на котором, живя в селькупском селе (Фарково Туруханского р-на), человек не хотел говорить. О подобных попытках носителей языка заняться воспроизведением родного (энецкого) языка пишет и В.П. Кривоногов [Кривоногов 1998: 195–202]. Аналогичных случаев можно привести много, но общая направленность процесса затухания родных языков (даже там, где сохраняется языковая среда, как, напр. в пос. Ратта Красноселькупского р-на Тюменской обл. [Казакевич, Парфенова 2000а]) неоспорима и очевидна.

лены в статье Е.Д. Прокофьевой [Прокофьева 1961]; о художественной обработке бересты селькупам писала О.М. Рындина [Рындина 1999]. Известный краевед И.М. Мягков [Мягков 2001: 79], совершивший несколько экспедиций к хантам и селькупам, писал о последних: “Туземец живет среди искусства, в то время как европеец – около искусства. У туземцев Сибири отсутствует искусство монументальное, что объясняется кочевым образом жизни. Отсутствует и станковое искусство. Главным же моментом в выявлении художественного творчества туземцев является декоративное искусство (орнамент), которое имеется почти на каждом предмете быта туземцев: на одежде, посуде, принадлежностях охоты, скотоводства и пр.” Автор приведенных строк сходство художественных форм у разных народов объясняет “не заимствованием, а одновременным самостоятельным возникновением их в результате сходных форм хозяйства” [Мягков 2001: 80]. Отсюда становится понятным и лучшая сохранность культуры у малочисленных этносов по сравнению с сохранностью языка, возможность ее реанимации. Следует добавить, что в последнее время стало возможным говорить о появлении у народов, о которых идет речь, локальных гибридных форм культуры – о поселковом варианте культуры, почти утратившем этническую самобытность, и лесном (или тундровом), сохранившем традиционное сознание, хотя и в трансформированном виде (подробнее см. [Кузнецова 2004]).

Формы проявления самосознания народа могут быть самые разные. Одной из них является интерес к своей “малой родине”, к своей родне, к тому, что Евдокия Александровна Кузакова назвала “Древо моей жизни”. Речь идет о родословной мансийской семьи Чейметовых из деревни Евра. Е.А. Кузакова в течение трех лет терпеливо собирала материал о членах большой семьи, вела переписку со все новыми и новыми разъехавшимися по всей стране родственниками и свойственниками и в результате установила, что “в шести поколениях (седьмое не завершено) насчитывается 607 членов рода, 153 человека из них – Чейметовы” [Кузакова 1996: 58]. По словам автора, понятие “род” – исчезающее и почти не употребляющееся, причина чего кроется в многочисленных переселениях людей и в смешанных браках. От древа Чейметовых деревни Евры, по разысканиям Е.А. Кузаковой, отпочковалось более 50 других фамилий, представленных разными национальностями.

Формами проявления наметившегося самосознания у селькупов можно также считать **интерес к собственной родословной**,

интерес к жизни предков. В последние годы расширяется музейная работа; увеличивается время телевизионных передач о селькупках на русском и на родном языках; организуются кружки (напр., песен и танцев). В Красноселькупе в детском доме имеется кружок “Уроки предков”, ведет его В.В. Тамелькина. Именно в данном кружке удалось пробудить интерес детей к собственной родословной и построению генеалогического древа. Далеко не каждый человек может похвастаться знанием пяти колен своих предков, что отражено в своеобразно нарисованном с помощью руководителя кружка генеалогическом древе ученицы 5-го класса Красноселькупской школы Тонкиной Ирины Сергеевны 1990 г. рождения (см. рис. на с. 400 под № 8), племянницы Валентины Владимировны Тамелькиной (№ 7). В этом древе⁷ обращает на себя внимание неравномерность ветвей: со стороны матери предки известны Ире до пятого (включительно) поколения и с разными подробностями из жизни предков, а со стороны отца — лишь до второго колена (включительно) по восходящей линии при плохом знании двоюродных братьев-сестер и их родителей (собственных дядей). Во многом этот факт можно объяснить тем, что помогающая девочке тетка сама плохо знает свойственников со стороны новой родни сестры.

В роду Иры Тонкиной со стороны матери были известные селькупские шаманы (по отцовской и материнской линиям ее матери, бабушки Иры). Самым знаменитым шаманом был пращур Калин Давыд-ира (Давыд-старик), по прозвищу Тама (букв. ‘мышь’). Мышь относится к хтоническим животным, живущим под землей; шаман Тама был шаманом, путешествующим в Нижний (Подземный) мир (№ 2). Были шаманы и среди Кусаминых (№ 1 и № 3). Прозвище (имя) Кусамина Момыка-ира (Момыка-старик) происходит от селькупского *təmqo* ‘сойти с ума’. Наряду с шаманами в роду, видимо, были и попы. Именно так объясняется имя жены Тамелькина Панкрата (№ 4) Повсират Панька, то есть попа-старика Панька (возможно, *popty-irat pan'-ka* > [poftirat > pofsirat]). Среди предков некоторые известны больше по прозвищу. Так, Калина Анна Панкратьевна (прабабушка Иры; родителями Калиной были Тамелькин Панкрат и Повсират Панька) имела тетку Полину по прозвищу *Töqat qory*

⁷ Приношу искреннюю благодарность Н.Л. Шибасовой и Л.М. Захарову за помощь в компьютерной обработке рисунка древа своеобразной формы (горизонтальное расположение), сделанного мною в уменьшенном виде с рисунка В.В. Тамелькиной, первоначальный размер которого был 1 × 3 м.

‘гусиная кожа’ (№ 5), происхождение которого и фамилия тетки забыты.

При изучении родословной у людей пробуждается **интерес к происхождению исконно селькупских имен и прозвищ**, оживающих в памяти народа. Прозвища даются разным людям в разные годы их жизни и вызываются разными причинами, что может быть подтверждено и данным генеалогическим древом, где отмечен (под № 9) прадед Иры Тонкиной Ы́ка-старик (ÿqa-ira), означающий ‘счастливчик’ (букв. ‘шапка-старик’, т.е. ‘в шапке родившийся’. Ср. рус. ‘в сорочке родившийся’), и прабабка Анна Андреева (№ 10) Торä-бабка (torä ‘беда’). Второе прозвище появилось и ‘прилипло’ к человеку только после того, как было замечено, что в жизни ей сопутствует постоянно беда. А вот прозвище Қара [Qara] появилось у дальнего свойственника этой семьи с пеленок, поскольку он в детстве всегда кричал qarq-qarq...

В сравнительно недалеком еще прошлом у всех самодийских, обско-угорских и многих других народов ребенку при рождении давали имя-оберег от злых духов, от сглаза, обычно скрываемое от посторонних людей. Часто имена давались по названию того места, где человек родился, напр., Александр Тимофеевич Кусамин известен под именем реки, на которой он родился, – Ширта-старик (širt-ira). Способы имянаречения, как и антропонимика вообще, неоднократно привлекали к себе внимание и этнографов, и лингвистов, изучавших имена, клички, прозвища у разных уральских народностей (см. работы и словари имен: [Атаманов 1988, 1990; Черных 1995, 1996; Тыликова 2002; Лаптандер 2002 а, b; Малиновская 1995] и др.).

Жители с. Фарково с удовольствием рассказывают про историю возникновения прозвищ у своих односельчан. В одних случаях прозвище присваивалось человеку по той или иной характерной для него черте характера или внешнему признаку: *Потыр-ира* ([põtʏr ɪra] букв. ‘завязка на бакарях старик’; старик ‘украшал себя’ завязками на бокарях); *Пыкыл-ира*-(чопсыты) ‘отекающий-старик-(покойный)’ (< *pykumõtqo*, *pykumatpa* ‘отекаль, отёк’, то есть старик с желваком, который у него был на щеке. Ср. также: < *taŋkusuqo*, *taŋkypyl*’ ‘распухать, опухший’); *čip-ira* ‘жадный, скупой, (< *čimyl’ qaty* ‘склеенные ногти, т.е. клеящий к себе всё’); *säqy-unDy-ira* > *säqyunDira* *Шакундыра* ‘чернобородый старик’ (букв. ‘черная борода старик’); *küšäñča-ira* ‘старик, страдающий недержанием мочи, “писун”’; *čumpyra* (< *čumpy-ira*) ‘длинный старик’ и т.п.

Издревле сохранился обычай называть отца и мать по имени их первенца, что наблюдается не только у селькупов, но и у многих других финно-угорских народов. Так, к матери Олега обращаются *Al' kan ämy!* 'Мать Олега!' Или говорят: *Mariškan äsy türsa* 'Отец Марии приехал' и т.д.

Отождествление личности по речи говорящего могут производить не только лингвисты, но и коллектив, в котором живет человек. Именно окружающие человека люди оценивают его, выделяют в речи индивида наиболее характерную черту его речи и приклеивают ее к человеку как ярлык. Так рождаются клички, употребляемые в одних случаях только заглазно, в других – напрямую, при общении с человеком. Это встречается часто в любом сообществе, в том числе, у селькупов. Напр., в пос. Фарково есть два селькупа, одного из которых зовут *Ёлки зеленые*, а второго – *Ёлки-палки*. Как легко догадаться, первый то и дело вставляет в свою речь (как селькупскую, так и русскую) сочетание “ёлки зеленые”, а другой – “ёлки-палки”: *A šillaka putylmõssa, ёлки зеленые, а... это... совсем как üsserpaty, это... kukany, kukany* “А соболь выскочил, елки-зеленые, а... это... совсем как пьяный, это... качается, качается”.

Помимо интереса к истории и именам собственных предков в последнее время у северных селькупов пробуждается интерес и другого типа, уже давший свои плоды в Ханты-Мансийском АО [подробнее см. Кузнецова 2004]. Так, у северных селькупов соблюдение запретов своего рода и фратрии, сохранявшееся всегда, в последнее время привело к **желанию понять суть древних запретов**, узнать, чем они вызваны, с чем связаны приметы и т.п. С детства запавшие в душу и память ребенка запреты действуют всю жизнь. Напр., осенью (17 сентября 2004 г.) в Красноселькупе праздновали 60-летие района. К этому дню в поселке поставили три памятника, прославляющие сказочного героя селькупов Ичу, которого стали отождествлять с национальным героем. В скульптурах запечатлен Ича-рыбак, Ича-охотник и Ича-оленовод. В этой связи мне было рассказано, как многие охотники и рыбаки имеют в качестве талисмана “Ичу”, сокрытого в яйцевом коконе паука или хрящик наподобие креста с верхней челюсти щуки, спрятанный в укромном месте. Если охотнику повезет найти такой кокон с яйцами, то ему должно везти в охоте; если же амулет потеряется, удача на охоте кончится и вообще могут на-

чаться неприятности. Рассказывавшая селькупка призналась, что ей в детстве всегда хотелось посмотреть, как выглядит “Ича”, сидящий внутри кокона, но ни в детстве, ни теперь, в 40-летнем возрасте, она не рискнула сделать это и разломать “домик Ичи” (“береженного Бог бережет”, как гласит русская пословица).

Усилиями энтузиастов (как русских, так и селькупов) стали открываться музеи не только на юге (в с. Колпашево), но и на севере (в Красноселькупе). Растет **интерес к национальной жизни и культуре**. В с. Красноселькуп, где в 2002 г. открылся музей, появились люди, интересующиеся своим фольклором. По телевидению показываются выступления самодеятельных ансамблей песни и танцев. Ведутся передачи (диктор Е.С. Сморгунова) из жизни селькупов, в том числе – на селькупском языке.

Кое-где начали создаваться кружки по изучению родного языка. Такой кружок ведет в с. Парабель у южных селькупов селькупка И.А. Коробейникова [Коробейникова 2001: 134–154]; в с. Иванкино – Н.П. Иженбина [2001: 126–131]. У северных селькупов по 20 мин. местное ТВ передает районные новости, среди которых встречаются передачи (правда, не регулярные) на селькупском языке. Одновременно возрос **интерес к фольклору**. Прекрасную коллекцию произведений народного творчества нганасан, ненцев и энцев собрал и издал К.И. Лабанаускас [Лабанаускас 2002]. В Салехарде издаются сборники песен народов Севера и песни местных композиторов (С.Н. Няруй), стихи поэтов-северян на родных им языках (М.К. Вагатова-Волдина). Активизация деятельности исследователей, собирателей произведений народного творчества во всех сферах искусства привела и к оживлению деятельности самих представителей народов, выступающих фактически в двух ипостасях: носителей языка и культуры и одновременно – ее исследователей, что уже произошло в ХМ АО.

Выпускается газета “Северный край” с фольклорной страничкой, к сожалению, тоже на русском языке. Инициатором этого был энтузиаст В.В. Рудольф, старший методист по фольклору, основавший в с. Красноселькуп первый музей. В 2002 г. для музея построено новое здание; среди работников есть и селькупы.

В одном из выпусков газеты я нашла посвящение Виктору Владимировичу Рудольфу, собирателю селькупских сказок, в котором приводятся его слова о необходимости народа знать собственное прошлое и знакомить с ним другие народы: *«Вот и настал долгожданный день, когда в одном из выпусков газеты “Северный край” представлено устное народное творчество*

всех групп северных селькупов: тазовских, туруханских (баишенских, фарковских) и пуровских (ларьякских). Путь к первому выпуску сказок был долг и труден в моральном плане, ибо не легко сломать местнический стереотип мышления: что ближе, – то мое, что выходит за параметры моего околотка – не моя забота. И, возможно, во благо было бы это утверждение с чисто географической позиции (вспомним: мой дом – моя крепость). Понять это с натяжкой можно. Но когда дело касается разделенного народа, и картография выше общности языка, культуры, родственных связей, – трудно с таким положением согласиться. И если уж коснуться фольклора как неотъемлемой части духовного богатства народа, то достойны порицания и манкурты, не помнящие своего родства, и те, кто признают это родство только в своих стенах, отрицающие его за географическими границами, кем-то и когда-то очерченными без позволения на это самого народа. Ведь, согласитесь, нет, скажем, фольклора совхоза “Полярный” или – раздвинем границы шире – фольклора тазовских селькупов, ибо есть фольклор народа, а это – главное. Пусть не всегда воедино будут соседствовать, как сегодня, сказки, предания, мифы Таза, Турухана, верховьев Тольки-речки (а стремиться к этому следует), но общность сути, стержневая основа устного народного творчества как единое целое, должны быть ощутимы всегда. Когда-то у селькупов был свой отличительный знак, своего рода селькупский герб – лук и стрела – символ единства мировосприятия, быта, культуры, и фольклор в этой цепи был связующим звеном. Помнить об этом надо и сегодня, возрождая духовные традиции народа» [Северный край 23.09.98 № 42 (688): 11]⁸.

В пос. Фарково среди молодых селькупов появилось желание сыграть пьеску с музыкальным сопровождением; было подготовлено шуточное представление с танцем и пением, содержание которого по-русски звучит так:

Посреди тундры стоял чум. Там жил оленивод.

Оленивод гонял (=пас) оленей.

В течение месяца там (=на пастбище) живет.

Когда пришел домой, упали руки его: чум разломали.

⁸ Автор данных строк, видимо, не знает, что изображение лука и стрелы представляет собой тамгу и встречается в XVII в. у селькупов, энцев, ханты в качестве знамени князцов и рядовых членов рода, наряду с другими тамгами, среди которых было немало священных тамг.

Жена его плачет: Пришли чужие люди. Всю еду унесли.

Всех оленей увели. Сами мы спрятались.

Человек пришедший так говорит (жене): Так меня напугала.

Я думал, ты потеряла иголку. Все останемся без вещей!

Эту пьеску рассказала В.В. Чалкину, не говорящему по-селькупски, его мать, старая жительница села Е.С. Аверина. Сын записал текст кириллицей, с ошибками. Мета-информантами (т.е. посредниками между носителем языка, рассказавшим содержание, и исследователем, автором статьи) были носители языка, уточнившие запись пьески и помогшие в дешифровке ее. Пьеска-танец сопровождалась игрой на гитаре и пением на селькупском языке. Так, не зная языка, молодые селькупы исполняют народные песни⁹, что свидетельствует о пробуждении у них интереса к своему языку и песням.

Все перечисленные позитивные действия самого коренного населения, появление селькупов с высшим образованием в селькупских поселках предоставляют единственный шанс на воскрешение (хотя бы частичное) селькупского языка, без которого немислимо и существование культуры, фольклора. Делаются первые попытки издания фольклорных произведений на языке оригинала с переводом на русский язык для всех уральских малочисленных народов Сибири, включая и селькупов. Скорее, рано или поздно все канет в Лету. Существование народности без знания родного языка неминуемо ведет к этнической ассимиляции, в результате чего селькупское население превратится в локальную этническую группу русского народа. К сожалению, к этому дело идет, но, возможно, процесс растянется на полстолетия или даже более, хотя сами селькупы старшего поколения мрачно предрекают полное вымирание своего языка через 30 лет (что, можно считать, уже произошло с энецким языком, поскольку воспроизводства языка нет, и энецкий не ведется в школе даже на правах языка изучения).

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Взгляд на этнокультурные и этноязыковые проблемы в контексте процессов современной интеграции (глобализации) и этнодифференциации позволяет выделить по крайней мере четыре

⁹ Исполнение песен на языке, которым человек не владеет, наблюдается достаточно часто. Напр., в 1960-е гг. мне довелось слышать пение на ненецком языке колвинских ненцев, говорящих только на коми-зырянском языке.

точки зрения (попарно близкие) на ситуацию, существующую в настоящее время у самодийских и обско-угорских малочисленных народов Сибири.

1. Официальная точка зрения на состояние языков и народов-аборигенов северо-запада Сибири имеет двойной характер отражения – в отчетах, направляемых начальству, и газетных статьях, призванных либо воспевать, либо критиковать ситуацию, сложившуюся у аборигенов Западной Сибири. Журналисты (особенно не из числа местного населения) пишут, не вникая в суть проблем, не понимая ситуации.

2. В научных исследованиях и обсуждениях тех же проблем хладнокровно описывается процесс адаптации, охватывающей все сферы жизни этноса (и особенно языка), хотя осуществление данного процесса в каждой сфере обладает своими особенностями. Многие сведения бывают взяты из похозяйственных книг, в которых фиксируется, где и какое время учился тот или иной человек, чем занимается, кто родители и т.д. В результате часто складывается мнение о языковой ситуации, отличное от полученного из официальных отчетов.

3. Очевидец, приехавший из другого места, часто воспринимает, с одной стороны, с ужасом и болью увиденное собственными глазами, с другой стороны, с сочувствием и желанием помочь людям.

4. Взгляд на собственную жизнь у малочисленных народов неодинаков у разных представителей народа. Одни (среди них большинство молодых) сознательно отказываются от родного языка и культуры, другие стараются их оживить, жалея об утрате прежнего образа жизни (старшее поколение). Оживить интерес к языку и культуре можно, осуществляя это через кружки языка, рисования, музыки, шитья национальной одежды, рассказывая сказки с небольшой дозировкой на родном языке и т.п. Однако для всего этого необходимо изменить форму обучения, во время которого изучение родного языка как иностранного должно длиться все 10 лет. Но этого не будет. Именно об этом шла речь в статье. При этом полностью реанимировать культуру и язык невозможно, возникают некие гибридные формы культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.
- Атаманов М.Г. Словарь личных удмуртских имен. Ижевск, 1990.
- Иженбина Н.П. Разнообразные виды деятельности на уроках родного (селькупского) языка // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 126–131.
- Казакевич О.А., Парфенова О.С. Языковая и этнокультурная ситуация в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа; Этнические и языковые общности поселка Советская Речка Туруханского района // Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции. М., 2000. (а) С. 270–303; (б) С. 304–308.
- Коробейникова И.А. Методические разработки по селькупскому языку // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 134–154.
- Кузакова Е.А. Древо моей жизни // Северные просторы. 1996. № 3–4. (М.) С. 58.
- Кузнецова А.И. Взгляд лингвиста на реконструкцию традиционного сознания у самодийских и обско-угорских народов // Традиционное сознание сквозь времена. Образ, символ, понятие. Томск, 2004. С. 47–59.
- Лабанаускас К.И. (автор-составитель). Родное слово: энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы. СПб., 2002.
- Лаптандер Т.Б. Неофициальные именованья замужних женщин коми-зырян (ижемцев) // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 10. Томск, 2002а. С. 78–84.
- Лаптандер Т.Б. К этимологии антрополексем, участвующих в образовании неофициальных именованья у коми-зырян // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 10. Томск, 2002б. С. 85–97.
- Лукина Н.В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск, 2002.
- Лукина Н.В., Рындина О.М. Система признаков для описания орнамента // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 10. Томск, 2002. С. 53–64.
- Малиновская С. Традиционное имя как отражение социальной организации (на материале нарымских селькупов) // FU 8, Pars II. Jyväskylä, 1995. P. 234.
- Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999.
- Мягков И.М. Заметки об искусстве туземных племен Сибири // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 77–83.
- Письменные памятники мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М., 2003.
- Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // СМАЭ. Т. XX. Л., 1961. С. 54–74.
- Рындина О.М. Береста и декоративные традиции селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. Материалы и исследования к "Энциклопедии Томской области". Томск, 1999. С. 153–162.
- Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск, 2002.
- Тыликова Е.И. Прозвищные именованья сыньских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 10. Томск, 2002. С. 98–104.
- Федорова М.И. Онянты этамты тэнымят (Знай свой язык) // Сборник песен народов Севера. Вып. 3: Старинные и современные селькупские песни. Салехард, 1999. С. 26–27.

Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола, 1995.

Черных С.Я. Марийская антропонимия: истоки формирования и пути развития. Йошкар-Ола, 1996. 63 с.

Юнкеров Ю.П. По проторенным предками тропам // Сборник песен народов Севера. Вып. 3. Салехард, 1999. С. 2–6.

А. Рангелова, Л. Яновец

(Чехия)

К ПРОБЛЕМЕ РЕЧЕВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ НЕФОРМАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ В ЧЕХОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

Статья представляет собой опыт пробного зондирования проблемы интеграции иностранцев в новую иноязычную среду. Предметом рассмотрения будет служить речевое общение в неформальной коммуникативной ситуации. Об актуальности проблематики интеграции иностранцев в чешском обществе свидетельствуют многочисленные публикации самой различной направленности – назовем лишь выборочно периодическое издание “*Lidé města*” (особенно выпуск 11 “*Česká společnost a etnické skupiny*”, 1997); публикацию Чешского статистического центра “*Cizinci v České republice*” (2001); укажем и работу Л. Шатавы [Šatava 2001], а также публикацию С. Броучка, К. Грубого, А. Мештяна [Brouček, Hrubý, Měšt’an 2001], Шишковой [Šišková 1998, 2001], Чеховой, Зимовой [Čechová, Zimová 2001] и т.д.

Понятие “интеграционный процесс” по своей сути является комплексным, оно включает в себя социальные, экономические, общекультурные и психологические факторы. В лингвистическом отношении наиболее важным представляется процесс овладения мажоритарным языком, причем в такой степени, чтобы уровень языковой компетенции был достаточным для успешной социальной реализации в иноязычной среде. В ходе этого процесса за относительно короткое время может возникнуть особая специфическая форма билингвизма, характеризующаяся неполным овладением функционально-стилистическим спектром чешского языка. Это означает преимущественное знание разговорного языка, что же касается литературного языка, то степень владения им практически у половины респондентов является ни-